

ГЛАВА I. Консервативный базис организации

На данном этапе перед нами возникают два ключевых вопроса. Первый: неизлечим ли недуг олигархии в демократической партии? Им мы займемся в этой главе. Второй: может ли демократическая партия проводить демократическую политику, а революционная – революционную? Неужели не только социализм, но и социалистические партии утопичны? Попытаемся дать краткий ответ на второй вопрос. В определенных, достаточно узких рамках даже демократическая партия, находящаяся под контролем олигархии, может оказывать демократическое влияние на государство[569]. Старые политические общественные классы, в особенности само государство, вынуждены проводить переоценку существующих ценностей как идейно, так и фактически: значение массы, даже во власти демагогии, возрастает, законодательные и исполнительные органы власти привыкают подчиняться давлению не только сверху, но и снизу. На практике это может привести к серьезным неудобствам, известным нам из новейшей истории всех парламентских государств; теоретически этот новый порядок означает невероятный прогресс в развитии общественных прав, соответствующих принципам социальной справедливости. Это развитие, однако, остановится, как только правящим классам удастся привлечь к совместной работе в правительстве крайнюю левую оппозицию. Политическая организация дает власть. Но власть всегда консервативна. В любом случае влияние, которое оказывает на правительственный аппарат энергичная оппозиционная партия, всегда будет медленным, оно часто прерывается и всегда ограничивается естественными тенденциями к олигархии [570].

Но признание этого факта не дает ответа на вопрос о том, детерминирует ли олигархическая внутренняя природа организации ее внешние проявления и олигархическую политику. Мы уже установили, что внутренняя политика любой современной партии насквозь консервативна или находится на пути к консерватизму. Однако существует вероятность, что внешняя политика этих консервативных организмов окажется живой и революционной, что антидемократическая централизация власти в руках немногочисленных лидеров – не более чем тактический прием, который в нужный момент поможет без труда одолеть противника, что олигархи лишь временно выполняют функцию воспитания масс для грядущей революции, а вся организация служит идее будущего бланкизма. Но такой вероятности противоречит суть партийной организации – организации максимально широких масс.

Чем больше становится организация, тем сложнее оказывается борьба за великие принципы. Мы видим, что в современных демократических партиях конфликты мнений все реже разрешаются с помощью принципа или оружия теории, поэтому они так стремительно перерастают в личные распри, которые необходимо разрешить как можно скорее и

незаметно отодвинуть на второй план. К «политике утаивания» неизбежно приходит любая организация, основанная на бюрократических принципах, если цель ее агитационной работы заключается в привлечении наибольшего количества новых членов. Любая идейная борьба здесь воспринимается как нежелательное отягчающее обстоятельство в достижении высшей партийной цели, поэтому ее по возможности нужно избежать. Эту тенденцию усиливает парламентский характер партии. Партийная организация – это стремление к наибольшему количеству членов. Парламентаризм – это стремление к наибольшему количеству голосов. Предвыборная агитация и пропаганда – основные направления деятельности партии. Социал-демократическая партия совмещает две функции: максимизацию количества набранных голосов и числа привлеченных членов. При каждом сокращении количества членов, количества голосов или даже количества мандатов партия теряет политический авторитет. Поэтому особое внимание уделяется не только новоиспеченным членам партии, но и ее потенциальным последователям, «подельникам», в некоторых странах их называют сочувствующими или единомышленниками[571]. Они еще далеки от мира социалистических или демократических идей, поэтому здесь исключена политика, основанная на строгом принципе, несмотря на то что качество организационной работы значительно падает при ее количественном росте.

Последнее звено длинной цепочки явлений, которые придают политической партии (даже если она прикрывается названием революционной) внутренне консервативный характер, – ее отношения с государством. Созданная ради свержения централизованной государственной власти, партия исходила из убеждения, что рабочему классу необходима лишь достаточно многочисленная и прочная организация, чтобы завоевать власть над государственной организацией. Но в итоге партия рабочих сама стала централизованной и стоит на тех же принципах: дисциплина и авторитет[572]. Так она стала государственной партией, организованной по государственному принципу, но в небольшом масштабе, партией, которая надеется захватить власть над более крупным государством. Революционная политическая партия – это государство в государстве[573], которое преследует заветную цель – подорвать и уничтожить существующую государственную власть, чтобы заменить ее совершенно новым государственным и общественным порядком[574]. Для достижения этой откровенно прогосударственной цели партия пользуется услугами социалистической организации, существование которой оправдывается исключительно терпеливой и систематической подготовкой к разрушению государства в его нынешнем виде. Подрывная партия занимается подготовкой социальной революции. Поэтому она постоянно стремится укреплять свои позиции, расширять бюрократический механизм, аккумулировать капитал. Каждый новый региональный руководитель, каждый новый партийный секретарь – теоретически новый агент революции, каждый новый партийный отдел – новый революционный батальон, каждая купюра в тысячу марок, полученная в качестве членского взноса или за газетную подписку, любое щедрое пожертвование сочувствующих благодотворителей идет на нужды борьбы с врагом. Но в долгосрочной перспективе руководители такого революционного органа, существующего в условиях авторитарного государства, не могут не осознавать, что партийная организация, каких бы успехов она ни добилась в будущем, никогда не сможет стать чем-то кроме как неэффективной и миниатюрной копией государственной организации, ведь она поддерживается теми же средствами, что и это государство, и вдохновляется его дисциплинарным духом. Поэтому в обозримом будущем, если только не случится нечто

экстраординарное, любая проба партийных сил обернется сокрушительной катастрофой. Следуя этой логике, мы приходим к выводу, что основатели партии сталкиваются с результатом, противоположным тому, на который они рассчитывали, организовывая партию. Вместо того чтобы увеличивать свой революционный потенциал вместе с увеличением масштаба своего партийного аппарата, партия подвержена противоположному влиянию: чем масштабнее становится партия, тем больше она подвержена страху, тем осторожнее ее политика. Партии нередко угрожает государство, она находится в постоянной зависимости от него и, даже когда она обеспечивает себе достаточное влияние, продолжает избегать всего, что могло бы его рассердить[575].

Сама теоретическая, научная основа партии в случае необходимости может быть ослаблена или изменена в соответствии с внешними потребностями организации. Организация – жизненный нерв партии. Партия, которая на первых порах не могла слишком часто заявлять о своей революционной природе – не только в том, что касалось ее общей цели, но и в выборе средств для ее достижения, – состарившись (или, если угодно, достигнув политической зрелости), без зазрения совести меняет свои первоначальные убеждения и заявляет свою революционность лишь «в лучшем смысле этого слова», то есть не в выборе средств, которые могли бы заинтересовать полицию, но лишь на бумаге, в теории. Та же партия, что в свое время бесстрашно заявляла о своей солидарности с коммунальщиками, пока еще дымились ружья парижских захватчиков, теперь перед лицом всего мира отвергает антимилитаристскую пропаганду в любой форме, которая может привести сторонников партии к конфликту с уголовным кодексом, ведь партия не хочет нести никакой ответственности за возможные последствия этого конфликта. Вскоре партия начинает испытывать чувство ответственности. Поэтому она старается направить всю силу своего авторитета на борьбу против радикальных течений, возникших в ее недрах, к которым до этого она относилась снисходительно. Во имя этой ответственности партия отвергает антимилитаризм, отказывается от всеобщей забастовки и отрекается от своей прошлой непоследовательности и дерзости[576].

История международного рабочего движения демонстрирует бесчисленное количество примеров того, как партия оказывается парализована с увеличением силы ее организации. Она теряет свой революционный импульс, становится вялой, тяжелой на подъем не только в своих действиях, но и в ходе мысли[577]. Все настойчивее партия хватается за так называемую старую, добрую тактику, которая привела ее к величию, а ее страх перед агрессивными действиями все труднее преодолеть[578].

Страх перед реакцией парализует любую деятельность, любое проявление силы и лишает энергии для повседневной борьбы. Бездействие оправдывается сохранением сил на будущее. Другими словами, мы видим, как формы собственности оказывают глубинное воздействие и на партию. На протяжении полувека члены партии в поте лица трудились над созданием образцовой организации. Сейчас, когда организовано три миллиона рабочих, больше, чем было необходимо для полной победы над врагом[579], в партии возникла бюрократия, которая по функционалу, педантичности и подчиненности иерархии может потягаться с государством; казна полна [580], вся страна подчиняется единой системе финансовых и моральных интересов. Смелая и решительная тактика могла бы поставить все на кон: достижения многих десятилетий работы, существование тысяч старших и младших

руководителей, существование партии в целом. Эта идея уже кажется непостижимой. Против нее восстают и необоснованная сентиментальность, и оправданный эгоизм, любовь к собственному творению и своекорыстие бесчисленного множества добропорядочных отцов семейств, чье социальное и экономическое благосостояние зависит исключительно от партии, в том случае, если правительство распустит партию – что вполне возможно в случае войны, – они потеряют место и окажутся без средств.

Таким образом, из средства достижения цели организация превращается в самоцель. Механизмам, изначально предназначенным лишь для обеспечения исправной работы партийной машины – субординации, единодушному сотрудничеству, отношениям иерархии, прозрачности, точности, – в конечном счете, придается большее значение, чем производительности целой машины. Основопологающим законом партии постепенно становится необходимость защищать элементы машины от внешних воздействий, которые угрожают партийному организму или по меньшей мере его внешней форме – организации. Даже если партия подвергнется нападению, она откажется от всех позиций, завоеванных ранее, от всех своих прав, но не станет отвечать на наступление противника методами, которые могут ее скомпрометировать[581]. Чем больше будет ее потребность в покое, тем больше своих революционных ядовитых зубов она потеряет, чтобы со временем превратиться в прочную консервативную партию, продолжать использовать революционную терминологию (так, последствия живут дольше, чем первопричины), но на деле в лучшем случае играть роль конституционной оппозиции.

Карл Маркс хотел вовсе не этого. Все это уже не имеет никакого отношения к марксизму. Будь он еще жив, он был бы вынужден восстать против такого положения дел. Но вполне возможно, он поддался бы искушению возглавить трехмиллионную армию, действующую от его имени и приносящую торжественную клятву *in verba magistri*. Еще при жизни Маркса были инциденты, которые не исключают такой возможности. Ему удалось, по крайней мере публично, закрыть глаза на серьезные прегрешения социал-демократии, допущенные в 1870-е годы.

В эпоху эпигонов Маркса жадность партии до новых членов и голосов сочетается со слабостью, которую она питает к государству. В результате старая цель по разрушению существующего государства заменяется новой: целью постепенно проникнуть внутрь государственной власти и превратить ее в партийную организацию. Борьба социалистов с партиями правящих классов перестала быть борьбой за принципы и стала борьбой конкурентов. Революционная партия стала соперницей буржуазной в борьбе за власть. Поэтому она открывает свои двери для всех, кто может помочь в достижении этой цели или просто помочь увеличить численность ее боевых отрядов [582]. Ее ненависть направлена в первую очередь не на противников ее взглядов, а на опасных соперников в гонке к одной и той же цели – завоеванию власти [583]. При этом партия жертвует не только своей политической невинностью, вступая в отношения с самыми разными политическими силами – и эта связь редко проходит бесследно, – она подвергает себя риску утратить свою партийную суть. Само понятие «партия» предполагает совпадение во взглядах и наличие общих практических целей[584]. Если их нет, партия превращается в организацию[585].